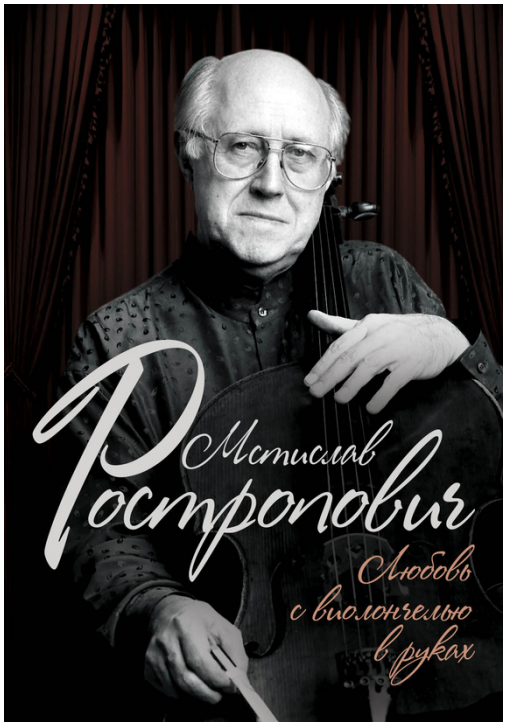

Мстислав
Ростропович
Любовь
с виолончелью
в руках

Ольга Владимировна Афанасьева

Мстислав Ростропович. Любовь с виолончелью в руках

Серия «Мужчины, покорившие мир»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8953993
Ольга Афанасьева. Мстислав Ростропович. Любовь с виолончелью в руках: Алгоритм; Москваё; 2015
ISBN 978-5-4438-1003-4

Аннотация

Мстислав Ростропович – выдающийся виолончелист, дирижер и пианист, объявленный лондонской газетой «Таймс» «величайшим из ныне живущих музыкантов». Он родился в Баку, в семье музыкантов, в 4 года стал заниматься на рояле, чуть позже «освоил» виолончель и уже в 8 лет давал свой первый концерт!

Мстислав Леопольдович превратил свою жизнь в фантастическую легенду. Их семейный и творческий союз с Галиной Вишневской, ведущей сопрано Большого театра в Москве, стал одним из самых прославленных по своему мастерству дуэтов в мире. Его талант, блестящее владение инструменте»! темпераментная манера игры вдохновляли самых выдающихся композиторов XX века Прокофьева. Шостаковича. Шнитке. Хачатуряна. Мессиана и других на создание новых сочинений.

И музыкальные критики, и близкие люди, и простые почитатели неиссякаемых талантов М.Л. Ростроповича отмечают в этом человеке «удивительное сочетание художника, гуманиста и магнетически привлекательной личности».

Содержание

Начало пути 5
В Московской консерватории 15
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Ольга Афанасьева
Мстислав Ростропович. Любовь с виолончелью в руках

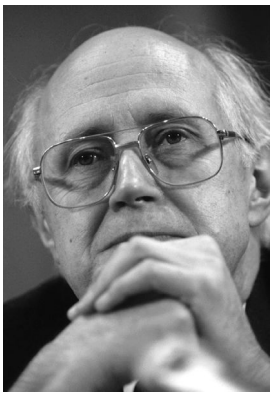
© Афанасьева О. В. 2015
© ООО ТД..Алгоритм —. 2015

* * *

Мстислав Леопольдович Ростропович – наш великий современник, гениальный музыкант, не имеющий равных по разнообразию проявлений музыкального таланта. Но не менее важна роль, сыгранная им в жизни России и всего мира. Гражданское мужество Ростроповича, его великое дарование музыканта и труженика способны многое дать и нам, его современникам. Наше трагическое время нуждается в образцах великой человечности. Именно таким образцом и был Мстислав Леопольдович Ростропович.

Многие годы Мстислав Ростропович был преуспевающим музыкантом, профессором Московской и Ленинградской консерваторий, лауреатом Ленинской и Сталинской премий. Благодаря его деятельности XX век для музыкантов стал поистине веком виолончели.

Именно Мстислав Ростропович придал мощнейший импульс композиторскому творчеству многих отечественных и зарубежных авторов. Ему посвящено более ста произведений крупной формы для виолончели, концертов, сонат, многие из которых были написаны специально для этого музыканта; а перечень фамилий их авторов звучит сам по себе как уникальная симфония: Прокофьев, Шостакович, Бриттен, Хачатурян, Хренников, Кабалевский, Вайнберг, Борис Чайковский, Лютославский, Дютийе, Бернстайн, Пендерецкий, Шнитке, Щедрин. Когда Бенджамин Бриттен впервые услышал Ростроповича в Лондоне в начале 60-х годов, он написал: «Я был полностью захвачен его гением и личностью». То же самое может сказать каждый, кто когда-либо знал Мстислава Ростроповича.



Начало пути

Мстислав Леопольдович родился 27 марта 1927 года в семье музыканта сколь талантливого, столь и скромного, не умевшего, как теперь говорят, делать карьеру. Отец Мстислава Леопольдовича считал, что все должно прийти само собой, по человеческому, нравственному, профессиональному достоинству. Мать была одаренной пианисткой, разделявшей взгляды мужа. И Мстислав Леопольдович многое унаследовал от родителей.

Мстислав Ростропович – из рода польско-литовских дворян. Его прапрапрадед Иосиф Ростроповичюс перебрался из Вильно в Варшаву, женился на чешке и стал городским судьей. На Варшавском кладбище до сих сохранился памятник Иосифу Ростроповичюсу и его жене рядом с могилами родителей Шопена. Эта случайность весьма символична.

Музицирование в семье Ростроповичусов было традицией. Витольд, дед Мстислава, закончил Петербургскую консерваторию и уехал работать в Воронеж. В Воронеже 26 февраля 1892 года у Витольда родился сын Леопольд, и отец стал его первым музыкальным учителем. Именно от отца Леопольд научился игре на фортепиано и основам сочинения музыки. Но его дальнейшую судьбу определила встреча с чешским виолончелистом А. Лукиничем.

Как и другие одаренные чешские музыканты – Э. Направник, Й. Сук, Лукинич перебрался в Россию в 25-летнем возрасте. В Воронеже он с Витольдом Ростроповичем играл в ансамбле. Отец часто брал на репетиции сына, и маленький Леопольд раз и навсегда влюбился в виолончель. Лукинич стал его учителем, и уже в 12 лет юный виолончелист Леопольд Ростропович начал выступать в концертах.

Исследователь творчества Мстислава Ростроповича, писатель-музыковед Софья Хентова пишет: «Этот возраст – двенадцать лет – с тех пор станет в трех поколениях Ростроповичей рубежным: двенадцати лет начнут выступления в публичных концертах и Леопольд, и его сын Мстислав, и дочь Мстислава – Ольга»[1].

Виолончелист от бога, Леопольд не был старательным послушным учеником, но с детства проявлял невероятный артистизм. По воспоминаниям современников, он преображался, как только представлялась возможность играть на публике. Чем больше народу было в зале, тем ярче проявлялись его обаяние, смелость и способность импровизировать.

В 1905 году, когда Леопольду исполнилось тринадцать лет, отец отвез его в Петербург, на экзамены в консерваторию. Игру Леопольда послушал А. Вержбилович – тогдашний глава петербургской виолончельной школы – и тотчас же согласился принять его в свой класс: этот воронежский мальчик играл поэтично, эмоционально, обладая теми качествами, которые Вержбиловичу были особенно близки. К Вержбиловичу Леопольд поступил, когда тот уже болел, появлялся в классе нерегулярно, что позволяло ученику беспрепятственно отдаваться многим увлечениям. У учителя и ученика обнаружилось немало общего: экзальтированность, эмоциональность и, вместе с тем, недостаточная организованность, бессистемность в занятиях.

Не желая расставаться с фортепиано, Леопольд решил параллельно обучаться фортепианной игре и поступил в класс выдающейся пианистки и педагога А. Есиповой. Фортепиано не вытеснило виолончель, но занятия укрепили технику игры. Леопольд считал этот инструмент основой профессионального совершенствования любого музыканта. Поступив в консерваторию в сентябре 1905 года, Леопольд уже в ноябре играл на концерте, получившем отклики в прессе.

---

[1] *Хентова С.* Ростропович. СПб.: Культ-информ-пресс, 1993. С. 15.

В немногих сохранившихся воспоминаниях современников Леопольд Ростропович очень похож на своего гениального сына: те же восторженность, многогранная одаренность, живость, бесконечная доброжелательность, которые он передал по наследству.

На курс старше у Вержбиловича занимался Семен Козолупов. Он тоже приехал из провинции, из Оренбурга; рос в степной станице, в казачьей семье, пел в хоре казачьего войска, самоучкой выучился играть на разных инструментах и, когда ему уже минуло двадцать лет, был отпущен в консерваторию. Общительный и отзывчивый Ростропович подружился с Козолуповым, помогал ему в занятиях. Так возникли у Ростроповича связи с Оренбургом, отразившись и на судьбе его сына.

Леопольд рано занялся преподаванием: в 1910 году, 18 лет, он уже обучал детей-виолончелистов в Петербургской музыкальной школе Н. Быстрова. Юный учитель пытался совершенствовать методику преподавания виолончели, чтобы ученики могли добиваться успеха даже при недостатке способностей. Впоследствии ему не раз пригодится педагогический опыт. Консерваторию Леопольд Ростропович закончил в 1910 году с золотой медалью.

Леопольд Витольдович Ростропович – советский виолончелист, педагог и дирижер, профессор Саратовской и Азербайджанской консерваторий. Отец Мстислава Ростроповича

Леопольд выступил в нескольких концертах в Петербурге, Москве и отправился в большое турне, начатое на родине отца, в Польше. Знаменитый польский дирижер Г. Фительберг пригласил его играть с оркестром Варшавской филармонии. Сольные концерты состоялись в Лодзи и Кракове. Польская публика была покорена: Леопольда тут же провозгласили представителем национальной исполнительской школы. Затем Ростропович произвел сенсацию в Париже – юному музыканту предсказывали мировое признание. Был выпущен даже специальный рекламный проспект «Виолончелист-солист Леопольд Ростропович», сборник рецензий о его высоком мастерстве. Ростроповича называли «выдающимся музыкально-художественным явлением на концертном небосводе» и уверенно предсказывали «господину Ростроповичу, которому только восемнадцать лет, блестящую будущность».

В начале XX века виолончелисты редко выступали с сольно-концертной программой. П. Чайковский писал: «Нужна громадная талантливость, необходима сложная совокупность внутренних качеств, чтобы победоносно привлекать внимание публики на эстраде с виолончелью в руках». Большинство виолончелистов играли в оперных театрах, на каждое место приходилось выдерживать сложный конкурс.

Возвратившись в Россию, Леопольд провел лето 1911 года у родителей в Воронеже, а осенью дал там концерт, доставивший публике, как отмечалось в местной прессе, «бесконечное художественное наслаждение». С тех пор Леопольд много гастролирует по России.

Заработанные на гастролях деньги он раздает нуждающимся ученикам реального училища. Еще одна семейная черта: он, как и впоследствии Мстислав, получает огромное удо-

вольствие от возможности помочь, он ценит деньги только за те радости, которые они могут доставить.

Его приятель С. Козолупов работает в оркестре Большого театра вторым солистом и преподает в музыкальной школе Л. Конюса. Он тоже выезжает с концертами за границу в составе театрального оркестра. В 1912 году он перебирается в Саратов, ведет в консерватории класс виолончели и камерного ансамбля. А Леопольда Ростроповича пригласили в Петербургш и приняли в оркестр Мариинского театра.

Ростропович нередко гастролирует в разных городах России. В его постоянном репертуаре – Концерт Сен-Санса, сюиты И.-С. Баха, Концерт К. Давыдова, пьесы П. Чайковского, А. Аренского, Д. Поппера, Ж. Массне. Блестящий молодой музыкант живет легко и радостно, его игра по-прежнему артистична и обогащается яркой нюансировкой. Но вскоре времена поменялись: в Петроград пришла революция.

В 1918 году молодой музыкант оказался без работы и без концертов, а в Петрограде наступил голод. Ростропович переехал в Саратов, где проработал четыре года С. Козолупов и откуда он был приглашен в Киевскую консерваторию. Таким образом, Леопольд Ростропович прибыл в Саратов как бы на смену Козолупову. Он провел в Саратове четыре года с небольшим перерывом, когда преподавал в Тифлисе.

Летом 1919 года Леопольд приезжает в Воронеж. 1 октября 1919 года в город входят войска белых. 5 октября «Воронежский телеграф» помещает объявление о предстоящем концерте «заслуженного профессора Саратовской консерватории известного виолончелиста Леопольда Ростроповича».

Это объявление в газете принесло ему массу неприятностей. Через год, когда он вновь приехал в Воронеж, его арестовали 9 ноября 1920 года – заметка в газете дала повод объявить его в сотрудничестве с белыми.

В протоколе допроса излагается объяснение Леопольда. Когда город заняла белая армия, его вызвали в штаб и приказали взять на себя организацию оркестра и концертов. При наступлении красных белые заставили его уйти вместе с ними. В Белгороде Леопольд заболел сыпным тифом и находился в больнице. С приходом красных был назначен заведующим подотделом искусств, организовал музыкальную школу, давал концерты в пользу раненых. Из Белгорода в мае 1920 года Л. Ростропович отправился в Саратов. В Самаре его пригласили на агитационно-инструкторский пароход «Красная Звезда», на котором он провел два месяца. Здесь он познакомился с членами ЦИКа и Наркомпрос поручил ему обследовать состояние музыкального образования в Воронежской и Курской губерниях.

2 декабря 1920 года Леопольду Ростроповичу был вынесен приговор: два года лагеря. Его прошения о сокращении наказания со ссылкой на болезнь, на одинокое положение матери, на польское происхождение (по мирному договору 1921 года все поляки, осужденные за политические преступления, подлежали амнистии, и Ростропович просил выслать его в Варшаву) оставались без ответа. Только после запроса из ЦИКа 9 июня 1921 года Ростропович был освобожден.

Леопольд Ростропович с супругой Софьей

В одном из концертных турне судьба забросила Леопольда в Оренбург, где аккомпанировать ему в концерте взялась Софья Федотова – дочь уроженки Оренбурга Ольги Федотовой, возглавлявшей единственную в городе местную музыкальную школу. Все пять дочерей Федотовой пошли по стопам матери, посвятив себя музыке, а две из них – Надежда и Софья – закончили Московскую консерваторию. На Надежде, старшей дочери О. Федотовой, женился Семен Козолупов, а на младшей – Софье, выпускнице консерватории, – Леопольд Ростропович. Как нередко бывает, в жены он выбрал девушку с характером, противоположным своему: молчаливую, терпеливую, старательную, склонную к домоводству, наделенную спокойным здравым смыслом, непритязательную.

Стремительный их роман завязался в Оренбурге в доме Е. Лонткевич, которая тоже полюбила Леопольда – на всю жизнь. Замуж она так и не вышла, подобно толстовской Соне из «Войны и мира», посвятив себя семье Леопольда, его детям. Жена Ростроповича относилась к этому чувству с пониманием.

В Саратове у супругов родилась дочь Вероника. Вскоре они переселились в Баку, где Леопольд занял место профессора Азербайджанской консерватории, а Софья стала преподавать игру на фортепиано. На лето Ростропович уезжал играть в оркестры Запорожья, южных курортных городов, чаще всего в город Славянск, где подобрался квалифицированный симфонический коллектив и исполнялись серьезные программы. В Баку Леопольд много сочинял для фортепиано и виолончели. Стараясь расширить виолончельный репертуар, он делал много переложений для этого инструмента, главным образом из фортепианной музыки: этюдов Шопена, поэм Скрябина, пьес Прокофьева.

27 марта 1927 года в Баку у супругов Ростроповичей родился сын Мстислав. По семейному преданию, когда Софья поняла, что ожидает второго ребенка, она захотела прервать беременность. Семья жила бедно, и она и муж работали, трудностей хватало и с одним маленьким ребенком. Кто-то из друзей, врач по профессии, рекомендовал разные меры, включая энергичные занятия спортом, но эти советы возымели обратное действие. Софья Николаевна носила ребенка десять месяцев и в марте 1927 года родила здорового мальчика.

Впоследствии ее сын Мстислав спросил маму: «У тебя был один лишний месяц, разве нельзя было дать мне лицо получше?» Она философски ответила: «Сынок, я была больше занята твоими руками»…»

На одной из первых детских фотографий Ростроповича – младенец, лежащий в виолончельном футляре отца, который служил мальчику колыбелью.

И внешне, и по характеру сын был весь в отца: звонкоголосый, озорной, веселый, остроглазый, с удлиненным лицом и выступающим подбородком.

К этому времени С. Козолупов уже переселился в Москву, занял место профессора Московской консерватории, где успешно обучались три его дочери: старшая Ирина – фортепианной игре, средняя Галина – виолончельной, младшая Марина – скрипичной. Козолупова назначили заведовать кафедрой виолончели, и таким образом он стал главой всей советской виолончельной школы.

В музыкальной семье росли музыкальные дети. Вероника играла на скрипке, а Слава уже в четыре года подбирал на рояле по слуху сложные мелодии и пытался сочинять свои собственные. Леопольд решил дать детям хорошее музыкальное образование и перебраться в Москву. Легкий на подъем, он, почти не собравшись, отправился в дорогу вместе с семьей.

По прибытии в Москву Леопольд Ростропович сначала нашел работу в Радиокомитете, но получить жилье оказалось труднее. По семейному преданию, как-то раз Леопольд стоял посреди улицы рядом с консерваторией, держа за руку своего маленького сына, и обращался к прохожим. Он просил о помощи, объясняя, что семье негде жить, а его чрезвычайно

одаренному мальчику необходимо получить музыкальное образование. Как ни удивительно, одна женщина – Зинаида Черчопова, армянка по национальности – была тронута этой просьбой и пустила семью к себе. Около года Ростроповичи жили в маленькой темной комнатке в коммунальной квартире в Малом Гнездниковском переулке. Потом семья переехала в дом № 2 по Козицкому переулку, где поселилась в небольшой темной комнате. Слава спал на раскладушке под роялем. Следующим жильем Ростроповичей стали две комнаты в коммунальной квартире в доме № 3 по улице Немировича-Данченко. Здесь семья жила до середины 50-х годов.

Младенец, лежащий в виолончельном футляре отца, который служит мальчику колыбелью. Одна из первых детских фотографий Мстислава

Жизнь семейства Ростроповичей в Москве была довольно сложной. В Консерватории не было места для молодого педагога из провинции, в оркестре Большого театра виолончелисты не требовались. Начиналась пора исполнительских конкурсов, прославлявших не только участников, но и педагогов: Г. Нейгауза, К. Игумнова, А. Гольденвейзера, Б. Сибора, К. Мостраса, С. Козолупова. У Леопольда Ростроповича таких учеников не было.

Сольные виолончельные вечера были нечастыми, хотя о Леопольде заговорили в Москве как об артисте очень ярком. Каким бы ни был успех, заработка концерты не давали. Дружески расположенный к Леопольду Ростроповичу А. Глазунов звал его за рубеж, но уезжать Ростропович не хотел. Непрактичный и доверчивый, открытый и бескорыстный, Леопольд выглядел Дон Кихотом: его старомодные понятия о самоотверженности, гордости и чести были бесконечно далеки от реальности. Он не мог приспособиться к жестокой атмосфере тридцатых годов. Инициативы в поисках работы он не проявлял, на упреки жены отвечал: «Если я понадоблюсь, меня позовут». Скромный заработок давала педагогическая работа в районных музыкальных школах Москвы. В семье была постоянная нехватка денег. Леопольд, широкая натура, мог угостить всех в ресторане на деньги, взятые взаймы. Кроме того, красивому талантливому музыканту не давали проходу поклонницы, что, конечно, огорчало жену.

Одна из учениц Леопольда, Марина Гайдамович, вспоминает: «Семья жила очень бедно. Мать Славы, Софья Николаевна, была общительной, терпеливой и многострадальной русской женщиной, которая несла все заботы по дому на своих плечах. Ей приходилось мириться со вспышками бурного темперамента своего мужа, и она посвящала много времени воспитанию детей. Она сама была хорошей пианисткой и иногда аккомпанировала своему мужу»[2].

Тем временем музыкальная одаренность детей расцветала. Слава исполнял на рояле пьески собственного сочинения. Виолончелью он начал заниматься в 8 лет. От педагога со

[2] *Гайдамович Т.* Незабываемое. М., 1972. С. 192–193.

стороны мальчик наотрез отказался: для него эталоном был обожаемый отец. Ни у кого другого он учиться не хотел. Козолупов, заметивший одаренность маленького Славы, критиковал Леопольда за то, что тот сам стал учить сына, и предсказывал, что из этого не получится ничего хорошего.

Леопольд начал заниматься с сыном. Уроки проводились время от времени, а проявлять строгость Леопольд не умел. С утра мальчика усаживали за инструмент, родители уходили на работу, а он, как и всякий ребенок, находил себе занятия поинтереснее. Время от времени Слава поглядывал в окно: если на горизонте показывались родители, он тут же усаживался играть. В полной уверенности, что сын прилежно занимался с утра до вечера, родители умилялись и советовали отдохнуть.

Обучая сына, Леопольд вдохновенно импровизировал: играл сам, рассказывал о музыке, расцвечивая рассказы яркими примерами и ассоциациями из других искусств. Благодаря этим урокам музыка для мальчика постепенно стала частью космического мироздания.

С 1934 по 1937 год Слава занимался в музыкальной школе имени Гнесиных, а с 1937 по 1941 год – в музыкальной школе Свердловского района Москвы. Обучался там, где преподавал отец. Незадолго до войны Леопольд отправил сына в музыкальное училище при Московской консерватории, чтобы познакомить с основами систематического композиторского образования. Слава поступил в класс опытного педагога Е. Месснера. Там же, в училище, отец и сын познакомились с В. Шебалиным.

Летом 1940 года Леопольд отправился на летний сезон в Славянск во главе виолончельной группы симфонического оркестра, взяв с собой семью. Славе разрешили выступить с оркестром: он сыграл Концерт Сен-Санса. Артистичному мальчику понравилось выступать перед публикой в роли солиста, принимать аплодисменты, выходить на поклоны. Впервые он узнал, что такое репетиции, баланс звучности, оркестровая полифония.

В 1941 году, на 50-летний юбилей Леопольда Ростроповича ему присвоили звание заслуженного артиста. Чествование было намечено на 1942 год, но не состоялось – уже шла война.

В начале осени 1941 года, когда нацистские войска быстро продвигались к столице, московские учреждения и население начали эвакуировать. В конце лета Славу зачислили в Московское музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. Он должен был продолжить виолончельные занятия с отцом, но теперь эти планы пришлось изменить.

«Когда разразилась война, меня эвакуировали в Пензу с учениками ЦМШ (там я учился по общеобразовательным предметам). Потом мои родители прислали письмо, где написали, что их тоже эвакуируют и они заберут меня и сестру по пути в Оренбург, где нашей семье предстояло найти временный приют, – тогда город назывался Чкалов в честь знаменитого летчика.

Леопольд Ростропович с женой Софьей и детьми Мстиславом и Вероникой

В назначенный день мы с сестрой отправились на Пензенский вокзал. Для нас это был тревожный момент, потому что на восток уходило много эшелонов, увозивших людей в эва-

куацию. Они ехали в вагонах для перевозки скота, без окон, лишь с вентиляционными отверстиями для того, чтобы воздух попадал внутрь.

Мы не знали, в каком поезде могут ехать мои родители, поезда то и дело приходили и уходили. Я велел Веронике сидеть и охранять наши чемоданы, а сам отправился на поиски. Я бегал взад-вперед по платформам, спрашивал, какие поезда пришли из Москвы, и заглядывал во все вагоны и теплушки. Люди приезжали и уезжали, и было ощущение полной неразберихи. Это продолжалось несколько часов; мы с сестрой отчаялись и потеряли надежду найти родителей. Примерно через двенадцать часов, бегая по путям, я внезапно увидел родителей, стоявших в дверях одного из грузовых вагонов. Наша встреча была очень радостной»[3].

Когда в Москве началась эвакуация государственных учреждений и жителей, Ростроповичи решили уехать в Оренбург, тогда называвшийся Чкаловым в память знаменитого советского летчика. 14-летнего Славу отдали в железнодорожную школу и в местное музыкальное училище, где стал преподавать отец. Из кладовой училища Славе выдали самодельную виолончель, настолько прочную, что на ней можно было сидеть. После долгих усилий Слава все же приспособился на ней играть, и с тех пор не испытывал страха ни перед одним инструментом.

В Оренбург из блокадного Ленинграда перебрался Малый оперный театр. Талантливая пианистка Софья Вакман – жена дирижера Малого театра Эдуарда Грикурова, Леопольд Ростропович и Э. Гиттер, скрипачка из оркестра московского Большого театра, играли в кинотеатре «Молот» перед сеансами, три раза по полчаса. Тридцатилетняя Софья Вакман стала первой любовью Мстислава Ростроповича. Он провожал ее в кинотеатр и домой. Иногда он пару номеров играл в маленьком оркестрике вместо отца.

В фойе было очень холодно, музыканты играли в перчатках, а зрители были в тулупах и валенках. Музыку они воспринимали как фон, и не обращали на игру почти никакого внимания. Тогда Мстислав взялся переработать весь репертуар. Он сделал переложения вальсов И. Штрауса и «Лунного вальса» И. Дунаевского, известного оренбуржцам по популярному фильму «Цирк». Так он впервые почувствовал, что артист должен понимать публику, соответствовать ее уровню и в то же время поднимать его.

«…Софья Борисовна была замужем и примерно на 15 лет старше меня. Она приходила в нашу маленькую комнату порепетировать музыку, которую играли перед началом кинофильмов. После окончания уроков я бежал в кино и слушал, как играет трио. Зимой было невероятно холодно, дул ледяной ветер и снег буквально заносило под двери. Скорее всего, это стало причиной болезни отца, так как он неизменно подхватывал простуду. Они играли в холодном зале в валенках, пальто и перчатках, чтобы не замерзнуть. Военное время было страшно тяжелым, еды было не достать. Я был так увлечен Софьей Вакман, что берег для нее печенье, которое получал из спецпайка для учеников школ. Я старался незаметно подсунуть печенье ей в сумочку, когда она не могла этого видеть…»[4]

Софья Вакман аккомпанировала своему юному поклоннику и быстро поняла, что имеет дело с талантливым музыкантом. Она познакомила мальчика с артистами своего оперного театра, быстро ставшего популярным в Оренбурге. Театр славился высоким уровнем классических спектаклей и в то же время новаторскими постановками: в нем исполнялись произведения Д. Шостаковича «Нос» и «Леди Макбет Мценского уезда», оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Слава наблюдал репетиции, работу дирижеров, взаимодействие вокалистов и оркестра. Оренбург становился его профессиональной школой. Композитор М. Чулаки, чьи балеты шли в театре, взялся заниматься со Славой композицией. И Слава сочинял музыку для вио-

---

[3] Цит. по: *Уилсон Э.* Мстислав Ростропович.

[4] *Уилсон Э.* Указ. соч. С. 56.

лончели и фортепиано. Так в годы войны росло и крепло музыкальное мастерство юного Ростроповича: его включили в отчетный концерт советских композиторов в качестве одновременно пианиста, композитора и виолончелиста. Его выступление стало главным событием вечера. Гордый триумфом сына Леопольд был счастлив как никогда в жизни. Газета «Чкаловская коммуна» 10 апреля 1942 года писала: «Произведения Славы Ростроповича свидетельствуют о большом мелодическом даровании, тонком гармоническом чутье и музыкальном вкусе. Юный автор подкупает слушателя и своими прекрасными исполнительскими возможностями».

В музыкальной семье росли музыкальные дети. Вероника и Слава Ростроповичи

После этого концерта перед юным гением Мстиславом Ростроповичем были открыты все дороги. Он постоянно участвовал в концертах. С оркестром Малого театра он исполнил «Вариации на тему рококо» П. Чайковского. Позднее, вспоминая этот концерт, Слава считал его лишь началом работы над «Вариациями» П. Чайковского.

Весной 1942 года Леопольд Ростропович стал жаловаться на приступы стенокардии, боли в сердце. 31 июля 1942 года Леопольд Ростропович умер. Незадолго до смерти он распорядился: виолончель и рояль не продавать ни в коем случае, а Славу отправить учиться у Семена Козолупова.

Так ушел Леопольд Ростропович, выдающийся музыкант-исполнитель. Масштаб его дарования не успели полностью оценить современники. Об этом всегда говорил Мстислав уже в годы своей всемирной славы, подчеркивая, что отец был гораздо талантливее, чем он сам.

О том, что Леопольд – польский дворянин с исторической родословной, его дети Мстислав и Вероника узнали лишь в конце XX века. У Леопольда Ростроповича была серьезная причина скрывать свои корни после ареста и заключения. К 70-летию Мстислава в Варшаве ему сделали редкий подарок – разыскали фамильный дворянский герб Ростроповичей и подписанный императором Александром II документ: «Считать семью Ростроповичей со всеми его сыновьями причисленной к высшей гильдии дворянства».

Как вспоминает Эльжбета Пендерецкая, в 1997 году во время концерта в Национальной Филармонии в Варшаве, куда Мстислав Ростропович приехал по её приглашению, она сама сообщила об этом публике. Во время концерта в Филармонии Ростроповичу вручили дворянский герб Ростроповичей и перстень с его фамильным гербом. М. Ростропович с женой Галиной Вишневской, дочерью, зятем и внуком, в сопровождении польских и русских журналистов посетили усадьбу Скотники под Варшавой, где когда-то жил его прадед Ганнибал-Владислав Ростропович[5].

Смерть отца потрясла сына. Он надолго слег. Когда наконец наступило выздоровление, с постели поднялся не прежний беззаботный Слава Ростропович, а взрослый человек. Детство закончилось: он почувствовал себя главой семьи, ответственным за мать и сестру. Нужно было использовать весь свой талант и молодые силы для заработка и совершенство-

[5] http://www.polonia-baku.org/ru/roztropowicz.phtml

вания профессионализма – только так можно было добиться устойчивого положения. Действовал Слава во всех направлениях сразу. Прежде всего он заменил отца в музыкальном училище. Ученики полюбили молодого учителя, в котором, помимо прочих дарований, обнаружился незаурядный педагогический талант.

Вспоминает Софья Хентова: «Он безотказно ездил на концерты, куда просили, играл, что просили, и уже тогда некоторые его поступки повергали музыкантов в удивление: “Вспоминаю, как однажды я участвовал в концерте “Вечер вальсов и серенад…” Я играл две пьесы Чайковского и Глазунова. А потом объявили: “Сейчас Славик сыграет “Муки любви”. Как только публика услышала название пьесы, в зале раздался дружный смех – ведь мне было пятнадцать лет, а выглядел я значительно моложе. Я играл с листа по скрипичным нотам, что мало кто заметил”»[6].

Среди его многообразных способностей выявилось еще и умение мастерить – коптилки, рамки для фото у бедного мальчика охотно раскупали, и это тоже было некоторым денежным подспорьем.

«Я жил в Оренбурге с начала войны до 1943 года. Для меня это было самое тяжелое время, но оно и закалило меня. Во время войны я понял, что такое голод. Я учился в средней школе и в музыкальном училище, в классе моего отца. Когда отец в 1942 году умер, училище осталось без хорошего педагога по классу виолончели. И сейчас же мне выдали из архива справку о том, что Слава Ростропович заменил ушедшего заслуженного артиста СССР Леопольда Ростроповича на посту педагога музыкального училища с почасовой оплатой.

Мне было тогда 14 лет. На деньги, что я зарабатывал в месяц, можно было купить на базаре полкило масла. Потом я научился делать так называемые коптилки. Родной брат моей крестной был доктором; у него в сарае я нашел большое количество пробирок и колесо из камня, которое надо было крутить, чтобы точить что-нибудь. И я научился стачивать донышко от пробирки. Получалась такая трубочка; и затем из этих трубочек и консервных банок я делал приспособление, в которое наливался керосин, вставлялся фитиль; это называлось коптилкой. Оно довольно хорошо освещало помещение и не требовало большого количества керосина.

И вот, когда совсем нечего было есть, крестная торговала на барахолке коптилками моего изготовления.

В каком-то смысле в эти годы и началась моя карьера музыканта. В Оренбург был эвакуирован Малый оперный театр из Ленинграда, и замечательные, выдающиеся артисты первыми заметили паренька, который довольно прилично играл на виолончели. Они стали меня брать на свои концерты, и между выступлениями певцов я играл на виолончели какие-то пьески. А уже после смерти отца они меня пригласили в город Орск, что недалеко от Оренбурга.

Дом-музей в Оренбурге, где семья Ростроповичей пережила самые тяжелые годы эвакуации во время войны с 1941 по 1943 гг.

[6] *Хентова С.* Ростропович. С.

Была очень холодная, глубокая осень. Мы сели в поезд. Нас было шесть человек. Каждому выдали по одеялу. Когда я лег, тело просто закоченело. Я закрылся своим единственным одеялом и подумал, что хорошо было бы заснуть и не просыпаться. И вдруг ночью, где-то в четыре часа утра, я почувствовал, что на мне что-то тяжелое и мне тепло. Это те пять человек, которые ехали со мной, отдали мне свои одеяла.

Я вам должен сказать, что сколько бы я ни делал в жизни хорошего, за добро тех людей, за те одеяла я никогда не смогу расплатиться…»[7]

В Оренбурге он приучил себя к режиму, которого станет придерживаться всю жизнь: сон не более пяти часов в сутки, никаких каникул и отпусков. Он занимался виолончелью перед сном и на рассвете, приучив себя предельно концентрироваться. Работавшая в местном музыкальном училище Р. Глезер организовала два его концерта в ансамбле с Софьей Вакман: играли сонаты Э. Грига, С. Рахманинова, виолончельные пьесы Славы Ростроповича. Готовились и другие концертные программы, которые обыгрывались всюду, где только можно было: в госпиталях, в окрестных городках, колхозах. Он любил людей и тянулся к ним, и ему отвечали теплотой и сочувствием.

Потом Мстислав Ростропович говорил: «Именно это отношение ко мне, совершенно неизвестному и ничем не примечательному юноше, стало основой моей незыблемой веры в людей». Сотрудники Малого оперного театра, сами недоедавшие и замерзшие, делились с мальчиком чем могли. Михаил Чулаки стал тогда для него не только учителем, а добрым другом, заменившим во многом отца. Чулаки выхлопотал Славе стипендию в Московской консерватории. Осиротевшая семья прожила в Оренбурге еще год.

В. Шебалин, назначенный ректором Московской консерватории, настоял на их возвращении в Москву. Летом 1943 года С. Козолупов прислал Ростроповичам вызов как своей семье, с тем что Слава будет обучаться в его классе, а Вероника – в классе его дочери Марины Козолуповой.

[7] Из стенограммы выступления М.С. Ростроповича перед студентами СПбГУП 6 сентября 1999 года.

В Московской консерватории

В консерватории юный Слава Ростропович сразу был замечен как талантливый виолончелист и пианист. Он твердо решил достигнуть наивысших результатов, стать во всем первым. Тогдашнегно состава консерватории почти не коснулись репрессии. Здесь еще С. Рахманинова, А. Скрябина, Ф. Шаляпина, Антона и Николая Рубинштейнов, П. Чайковского, С. Танеева, К. Давыдова и А. Вержбиловича. В Консерватории часто проходили вечера Б. Пастернака, М. Булгакова, Р. Фалька. Студенты посещали спектакли МХАТа так же регулярно, как уроки.

Во время войны в Московской консерватории преподавали эвакуированные в ленинградскую блокаду Д. Шостакович, Б. Асафьев, В. Софроницкий. Согласно воле отца Слава Ростропович поступил в консерваторию в класс С. Козолупова, понимавшего, какой исключительно талантливый ученик ему достался.

Козолупов в то время считался основателем собственной виолончельной школы. Он учил легкости и непринужденности движений смычка, добивался насыщенного и выразительного звучания, что позволяло максимально раскрыть возможности ученика. Технические задачи специально усложнялись. Выверялась чистота интонации, использовались многие варианты аппликатуры.

Московская консерватория в 1940-е

Основы системы С. Козолупова Слава Ростропович усвоил очень быстро. В каждом сложном пассаже он видел вызов и принимал его. Трудности подстегивали его азарт. Впоследствии он говорил: «Если мне в жизни что-то нетрудно, я за это не берусь».

В статье о своем талантливом ученике, опубликованной в 1946 году, когда Ростроповичу было девятнадцать лет, С. Козолупов выделял исполнение им Пятой сюиты Баха: «Это одна из самых сложных сюит композитора, весьма трудная для исполнения… Я почувствовал, что Мстислав сумеет постигнуть стиль, форму и внутреннее содержание этого замечательного произведения Баха. Я не ошибся в своих предположениях. Не прошло и полутора месяцев, как Ростропович прекрасно сыграл Пятую сюиту»[8].

В апреле 1944 года игру Ростроповича на студенческом вечере услышал Н. Мясковский и отметил в своем дневнике: «В концерте молодых исполнителей М. Ростропович – талантливый». Впечатление было настолько сильным, что Мясковский принес студенту свой виолончельный концерт и тот сыграл его на консерваторском студенческом конкурсе.

Мстислав Ростропович стал самым знаменитым учеником Козолупова, но он все-таки не был типичным представителем его школы. Он чувствовал, что методы преподавателя слишком узко сфокусированы на владении техникой.

«Собственно говоря, в классе Козолупова я не занимался музыкой. Он несомненно был замечательным специалистом, но руководствовался только своей интуицией. Я бесконечно

[8] Цит. по: *Хентова С.* Указ. соч.

благодарен ему за уроки; он прекрасно знал, как нужно учить играть на виолончели. Но он не был великим музыкантом. К примеру, он не мог понять музыку Прокофьева. Он интуитивно реагировал на нее и мог сказать ученику: «Сейчас ты играешь очень скучно, с этим нужно что-то делать». Но он не имел представления, как подойти к новой музыке»[9].

В июле 1944 года Слава выступил в цикле концертов «Показ молодых исполнителей Московской консерватории». Участников этого цикла отбирало жюри под председательством А. Неждановой. Одновременно он занимался фортепиано и композицией. Учителем Ростроповича по классу фортепиано был Н. Кувшинников – ученик знаменитого К. Игумнова. С. Хентова вспоминает: «Из консерваторских впечатлений мне вспоминается, как в начале 1944 года в консерваторской библиотеке я увидела долговязого парня с огромной кипой фортепианных нот, оживленно беседовавшего со старой библиотекаршей, смотревшей на него с обожанием. Я удивилась, что, будучи студенткой фортепианного факультета, еще не знаю этого пианиста, и спросила, когда он ушел:

– Кто это?

Библиотекарша гордо ответила:

– Наш Славочка. Виолончелист.

– Разве он играет на рояле?

– Еще бы! Николай Николаевич им не нахвалится!»[10]

Ростропович-композитор сочинял музыку в разных жанрах. Он испытывал влияние К. Дебюсси, С. Прокофьева, русской музыки XIX – начала XX веков, причем предпочитал музыку для фортепиано, скрипки, трио, квартета.

Накануне дня рождения Козолупова Слава написал пьесу «Юмореска» для виолончели, утром выучил и тотчас же сыграл учителю как подарок.

«Однажды я увидел, как мои товарищи собирают деньги на цветы, и спросил, кому они собираются дарить букет. «Завтра день рождения у Козолупова», – ответили они. Я совсем забыл об этом и расстроился из-за того, что не смог поучаствовать. Когда я вернулся домой, то решил сочинить для учителя музыкальную пьесу. Тем вечером я написал и выучил «Юмореску» и наизусть исполнил ее в классе для Семена Матвеевича на следующий день».

«Юмореска», с ее оригинальным гармоническим языком, остроумным и блестящим использованием виолончели стала замечательно популярной концертной пьесой, которую Ростропович часто исполнял на бис. Она была опубликована в конце 60-х годов, и многие его ученики включили ее в свой репертуар.

Вскоре после возвращения Мстислава Леопольдовича в Москву из Оренбурга Козолупов организовал встречу Ростроповича с Шостаковичем. Безупречные манеры великого композитора и его внимание к людям произвели на Славу огромное впечатление. Он всегда помнил, как Дмитрий Дмитриевич, раздевавшийся в профессорском гардеробе, обращался по имени и отчеству ко всем уборщицам и гардеробщицам, и никогда не был высокомерен по отношению к студентам, которых встречал в коридорах или на площадках между этажами. Шостакович, ведущий класс оркестровки, сразу отнесся к Ростроповичу с большой симпатией.

---

[9] *Уилсон Э.* Указ. соч.

[10] *Уилсон Э.* Указ. соч.

Профессор С.М. Козолупов

Занятия были успешными: Ростропович оркестровал фортепианные пьесы Р. Шумана, Ф. Шопена, постигал оркестровое мастерство Шостаковича, изучая его симфонии. Занимались они недолго. Самокритичный Ростропович решил сделать ставку на исполнительское мастерство, а не пополнять ряды второстепенных композиторов.

Впоследствии он связывал это решение с событиями 1948 года, когда подверглись травле С. Прокофьев, Д. Шостакович, Н. Мясковский, В. Шебалин – все, кого он любил и у кого учился. Перенесенное ими он как бы спроецировал на свою судьбу: «Именно в то время, после большой внутренней борьбы я совсем оставил занятия композицией».

«…Я был весьма успешным студентом, учился сразу на двух факультетах, а по виолончели меня со второго курса перевели сразу на пятый с отметкой «пять с крестом», и я окончил консерваторию за три года вместо пяти. Моими богами были Прокофьев и Шостакович. У Шостаковича я учился с 1943 года. Должен сказать, что он и как мужчина был красив, и гениальность из него била фонтаном. Я занимался композицией сам, написал первый фортепианный концерт. Шостакович был очень популярен, и стал еще более популярным после Седьмой, так называемой «Ленинградской» симфонии. Конечно, студентов у него было очень много, и он больше никого не брал. Поэтому я сказал профессору Козолупову: «Попросите, пожалуйста, Шостаковича посмотреть партитуру моего фортепианного концерта; если бы он взял меня к себе в класс, я был бы безумно счастлив». И Шостакович разрешил мне показать ему партитуру моего фортепианного концерта. Когда я пришел к нему в класс и показал партитуру, Дмитрий Дмитриевич мне сказал: «А Вы можете сыграть концерт на рояле?». «Конечно, могу», – ответил я и начал играть на рояле, но, увы, играл плохо, не попадал на ноты и сидел весь красный, как рак. Когда я кончил играть, услышал от Дмитрия Дмитриевича ложь во спасение: «Слава, Вы так талантливы, что я сочту за честь Вас принять; Вы будете у меня заниматься».

Надо сказать, что Шостакович никогда не мог никого обидеть. Иногда он приглашал меня послушать, как студенты играют его сочинения. Часто они играли плохо, даже очень плохо, я понимал это, сидя рядом с Дмитрием Дмитриевичем. Но Шостакович всегда говорил: «Спасибо Вам большое, Вы замечательный, талантливый человек, продолжайте работать настойчиво»[11].

Его сверстники-музыканты рано стали взрослыми. Война разбросала их по всей стране. Возвращались к образованию в Консерватории и фронтовики. Надежды на лучшую жизнь сближали молодых людей, побуждали их радоваться взаимным успехам.

Софья Хентова вспоминает: «Ростропович с его открытостью, простотой, юмором, заразительной сердечностью, которая впоследствии соберет вокруг него выдающихся людей мира, сразу и без усилий “вписался” в большой студенческий коллектив, приобрел множество друзей. Его любили, гордились им. Вспоминаю, как меня, незаметную студентку-пиа-

[11] Из стенограммы выступления М. Ростроповича перед студентами СПбГУП 6 сентября 1999 года.

нистку, познакомил с Ростроповичем мой приятель-скрипач. В садике перед Консерваторией, где еще не стоял нынешний мощный памятник и на деревянных скамеечках студенты назначали свидания, сидел паренек в заношенной ушанке и пальтишке, из которого вырос так, что рукава заканчивались далеко от кистей рук. Паренек представился не без оригинальности:

– Мстислав, но не Святослав, нет, не Святослав.

Он имел в виду уже известного в то время Святослава Рихтера. А потом с забавной картавостью, жестикулируя, заговорил о недавнем концерте. В студенческую пору, как водится, много было знакомств, но это запомнилось: “Мстислав, но не Святослав»[12].

Они оба – Святослав и Мстислав – встретились на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, состоявшемся в 1945 году и собравшем целое созвездие талантов. Д. Шостакович, А. Нежданова, Д. Ойстрах входили з жюри. На конкурсе играл тридцатилетний С. Рихтер, вернувшийся с фронта зрелый пианист В. Мержанов, скрипач Ю. Ситковецкий – музыканты, получившие вскоре мировую известность. Среди них был и восемнадцатилетний Слава Ростропович. Наряду с Рихтером и Мержановым он занял первое место.

Ростроповича планировал закончить консерваторию за три, а не за пять лет. Его учебная программа оказалась очень напряженной. За плохие оценки по любому предмету студента могли лишить стипендии – а Мстислав получал сталинскую стипендию и не хотел ее лишиться.

«…Особенно мне запомнилось, как мы учили историю КПСС в 1944 году. Несмотря на 13-летнюю разницу в возрасте, я очень подружился со Святославом Рихтером, которому я дал прозвище Глаша. Из-за войны и некоторых обстоятельств Рихтер в то время еще был студентом. Он предложил, чтобы мы вместе готовились к экзамену. Он приходил к нам, мы доставали учебники и по очереди читали друг другу текст. При этом мы неудержимо зевали и вскоре поняли, что все идет впустую. В какой-то момент я сказал ему: “Слушай, Глаша, я обязательно должен сдать этот экзамен, поэтому лучше буду заниматься самостоятельно”. Но через несколько дней он позвонил мне и сказал: “Слава, у меня есть блестящая идея. Я придумал безошибочный метод для изучения истории партии. Приходи ко мне, я все объясню”. По его замыслу мы оба должны были опуститься на колени друг напротив друга. Перед собой он поставил большой том под названием “Краткий курс истории партии”, который каждый студент должен был знать назубок. “Вот что, – сказал Глаша, – если мы начнем засыпать, то упадем прямо на книгу и расквасим нос. Теперь нам не удастся уснуть!”

Святослав Рихтер на Первом Всероссийском конкурсе музыкантов-исполнителей играет I концерт П.И. Чайковского. 1945 г.

…На экзамене по истории партии я вынул билет, где было два вопроса: о помощи коммунистической партии партизанскому движению во время войны, который был сравнительно легким, но следующий вопрос о Втором Интернационале представлял значительную трудность. Экзаменатором был органист по фамилии Гедике; думаю, Козолупов предупре-

[12] *Хентова С.* Указ. соч.

дил его, что я должен сдать этот экзамен, и попросил быть снисходительным, так как моя стипендия зависела от оценки. Я стал уверенно отвечать на первый вопрос, вспоминая все, что знал о партизанах. Потом я заметил, что Гедике начал клевать носом и вскоре задремал. Мне пришло в голову, что если я буду подольше рассказывать о партизанском движении, то смогу вообще обойтись без ответа на второй вопрос. Я продолжал рассказывать, а потом вдруг громко крикнул: “Без помощи коммунистической партии партизанам ничего бы не удалось достигнуть. Наша коммунистическая партия ведет нас от победы к победе!” Гедике вздрогнул и проснулся. “Да, да, – поспешно сказал он, – ты явно хорошо подготовился, так что давай поставим тебе четверку”.

Экзамен по виолончели был гораздо более простым делом. …В результате летом 1944 года меня перевели со второго на пятый курс»[13].

В консерватории это был беспрецедентный случай.

Слава стал готовиться к окончанию консерватории. Кроме того, его выдвинули кандидатом для занесения на мраморную доску почета консерватории, украшенную именами П. Чайковского, С. Танеева, К. Игумнова.

Ростропович был принят в аспирантуру, но уже не чувствовал себя учеником. Его взяли в Московскую филармонию как солиста, он избежал этапа игры в оркестре. Вспоминая это время, он говорил об удовольствии, испытываемом на концертной эстраде. Опыт оренбургской «киношки» и зауральских колхозных концертов очень помогал.

Аудиторию начинающему концертанту выбирать не приходилось, и он не сетовал, если она была малочисленна, плохо музыкально подготовлена или вовсе отказывалась слушать неизвестного виолончелиста. Не было случаев, чтобы он высказал обиду: играл, несмотря ни на что, и считал, что должен и может добиться того, чтобы его слушали, поняли, чтобы музыка в его исполнении понравилась. Для этого, наряду с серьезным репертуаром, выучивал эффектные пьесы Д. Поппера, использовал отцовские обработки для виолончели и сам их делал. Таким отношением к делу этот столичный музыкальный вундеркинд завел множество друзей среди филармонических администраторов, укрепляя свои концертные связи.

Ростропович готов был отправляться в любые поездки. Осваивался Север, и Слава отправлялся на самолете к Северному полюсу и играл полярникам. С группой артистов он поехал по Енисею и играл на виолончели в сибирских селах. Однажды пароход пришвартовался ночью, и было объявлено, что для концерта время позднее, но зрители собрались – человек тридцать. Слава играл им Чайковского, Глазунова и чувствовал, что люди ему благодарны, а потом его угощали знаменитой енисейской ухой.

«…Я многому научился, когда ездил по Сибири, по реке Енисей; у нас тогда была группа, которая называлась «Четыре мушкетера»: я играл на виолончели, замечательный баянист Юра Казаков – на баяне, чтец Валерий Токарев читал и еще был один из певцов (в одном случае это был Виталий Кильчевский, солист Большого театра, кстати говоря, из Петербурга, а в другом – Алексей Гелева, бас, тоже из Большого театра).

Часто мы выступали в деревнях, где никогда не видели и не слышали живых артистов. А как-то раз зимой в этой же компании я поехал на целинные земли. Играл с Юрой Казаковым, а слушать нас пришли мужики, которые, прямо скажем, были очень довольны моим выступлением, но они комментировали его громче, чем я играл. Я почти не слышал ни себя, ни Юру. Я начал играть громче, они стали громче говорить, потому что я им мешал; я – еще громче, они вообще стали кричать: «Ты посмотри, ты посмотри на него, молодец какой».

[13] Цит. по: *Уилсон Э.* Указ. соч.

Д. Шостакович – русский композитор, внесший вклад в классику мировой музыкальной культуры XX в.

И тогда я вдруг стал играть десять пиано, пианиссимо, то есть очень тихо. И знаете, наступила невероятная тишина: они замолчали, и я понял, что пиано и пианиссимо значительно более действенны, чем фортиссимо, и хорошие слова очень мудро говорить шепотом»[14].

Во второй половине 1940-х годов Ростропович дал свои первые большие концерты: помимо Москвы – в Ленинграде, Киеве, Риге, Свердловске, Таллинне, Вильнюсе, Каунасе, Минске и других городах страны.

Международные конкурсы считались показателем уровня советской исполнительской школы, победы в них были обязательны. Отборочные комиссии пропускали сквозь свое сито лишь самых талантливых и надежных музыкантов. Конкурс, устроенный на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Праге, стал первым для Ростроповича. Председательствовал в жюри В. Шебалин, членами жюри от Советского Союза были С. Козолупов и скрипач Д. Цыганов – глава известного Квартета имени Л. Бетховена. На конкурсе Ростропович занял первое место, и газета «Млада фронта» назвала его «сенсацией соревнования».

После возвращения из Праги скрипач Л. Коган, кларнетист И. Рогинский, пианист А. Каплан и М. Ростропович дали концерт в Большом зале Ленинградской филармонии. 14 октября 1947 года двадцатилетний виолончелист, сильно волнуясь, вышел на сцену Большого зала. Играл Ростропович хорошо, и спустя два дня в газете «Вечерний Ленинград» появилась заметка: «Самое яркое впечатление оставляет виолончелист Мстислав Ростропович, еще до Пражского фестиваля удостоенный звания лауреата на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей. Он умеет до предела использовать выразительные возможности виолончели – этого самого “певучего” струнного инструмента. Ученик известного педагога профессора С.М. Козолупова, Ростропович воспринял в школе своего учителя полную свободу владения инструментом и умение подчинить все технические средства художественному замыслу. В той глубине и серьезности, с которой молодой музыкант подходит к трактовке произведений Чайковского, Баха, Прокофьева, сказывается многообразие его художественных интересов. Ростропович совершенствуется в классе композиции, фортепиано, изучает философию, литературу». Отзыв Ростропович сохранил, и с тех пор все связанное с Ленинградом было отмечено для него особым знаком.

Вместе с ленинградским виолончелистом Д. Шафраном он участвовал в 1949 году в конкурсе на фестивале молодежи и студентов в Будапеште, и разделил с ним первую премию. Член жюри Д. Ойстрах писал, что «их легкой и грациозной технике могут позавидовать многие скрипачи». После Будапешта были гастроли в Венгрии, Чехословакии, Польше. В 1950 году на специальном Международном конкурсе в Праге имени великого чешского

[14] Из стенограммы выступления М. Ростроповича перед студентами СПбГУП 6 сентября 1999 года.

виолончелиста Гануша Вигана Ростропович вновь разделил победу с Д. Шафраном. После конкурса он побывал в Болгарии, ГДР, Румынии, Польше, Австрии.

В двадцать три года добившись известности на концертной эстраде, он больше не участвовал в конкурсах. В этом не было необходимости. Логический подход к совершенствованию техники игры помогал добиться отличных результатов. Позднее он вспоминал: «У меня бывали четырехмесячные перерывы в занятиях, но мне это не мешало». Игра на инструменте была для него своего рода спортом.

Не всем нравилась игра Ростроповича, слишком многое в ней было непривычным. Исследователь виолончельного искусства Т. Гайдамович, наблюдавшая его ранние артистические шаги, пишет: «В юности Мстислава Леопольдовича увлекала гротескная острота рисунка, некоторая жесткость в передаче эмоций. Экспрессивность игры, напор подавляли у него красоту лирических образов. Артист был по-молодому непримирим в своем мироощущении. Различные аспекты душевных переживаний раскрывались им подчас односторонне, угловато. Временами исполнитель словно стремился уйти от простых, душевных раздумий в безудержно влекущий поток мгновенных жизненных впечатлений. В отдельных произведениях (“Менестрели” Дебюсси, “Итальянская сюита” Стравинского) он словно скрывался от подлинного мира чувств за мастерской его стилизацией»[15]. Многим критикам и ценителям музыки ближе была проникновенная игра Д. Шафрана. Ростропович принял критику к сведению и продолжал работать над техникой игры. Начало пятидесятых годов он называл периодом «страстного желания играть хорошо».

Постепенно у него складывался классический репертуар: шесть сюит Баха, пять сонат Бетховена, две сонаты Брамса, концерты Лало, Дворжака, сонаты Шопена, Грига, Рахманинова, концерт и сонаты № 1, 3 Хиндемита, концерт Шумана, «Вариации на тему рококо» Чайковского, «Дон Кихот» Штрауса. Ростропович изучал различия в трактовке виолончели разными композиторами, штудировал партитуры виолончельных концертов, чтобы уяснить соотношения в них соло и аккомпанемента, место оркестра в сочинениях для виолончели.

Д. Шафран – советский и российский виолончелист

В 1949 году Ростропович впервые на конкурсе в Праге исполняет Концерт А. Дворжака. Известный чешский дирижер Вацлав Талих предложил Ростроповичу сделать запись. Талих познакомил молодого русского виолончелиста с духовным миром Дворжака, его переживаниями на чужбине, отразившимися в музыке Концерта. Произведение Дворжака в исполнении Ростроповича обрело особое душевное тепло. Повторяя Концерт в разные годы, Ростропович утверждал, что хотел этой музыкой «рассказать о больших чувствах, передать трагическую тоску по родине, крик изболевшего сердца», и, вместе с тем, музыка должна была остаться доброй, «словно обнимающей человека, который ее слушает».

[15] *Гайдамович Т.* Указ. соч. С. 34.

Музыка Дворжака непроизвольно сплелась для него с трагическими событиями в Чехословакии. После того, как советские войска войдут в Прагу, Ростропович в знак протеста даст обет – не играть в Чехословакии. Обет не получит огласки, но чехам станет о нем известно. Только в 1991 году приедет Ростропович в уже свободную Прагу и исполнит тот самый Концерт Дворжака.

В начале 50-х годов Мстислав Ростропович начал ездить за границу. Сначала он концертировал главным образом в странах Восточного блока – Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Германской Демократической Республике. Его первые поездки на Запад пришлись на 1949 и 1951 годы, когда в составе советской бригады или делегации артистов он отправился сначала в Финляндию, а потом в Норвегию.

Мстислав говорил друзьям, что первые впечатления о Западе у него были неразрывно связаны с ароматом кофе. Небольшое деревянное здание аэропорта в Хельсинки благоухало кофе, чем резко отличалось от советских аэропортов, где «ароматы» были совсем другими.

В составе делегации, отправившейся в Финляндию, были скрипач Давид Ойстрах, пианисты Владимир Ямпольский и Юрий Брюшков и два певца: Поторжинский (бас) и Валерия Барсова (сопрано). В Хельсинки советских музыкантов представили Сибелиусу. Вдохновленный этой встречей, Ростропович решил включить пьесу Сибелиуса в программу концерта, запланированного на следующий вечер. На следующее утро он достал ноты канцонетты Сибелиуса, выучил ее и сыграл наизусть на вечернем концерте, выиграв пари, заключенное со своим аккомпаниатором Владимиром Ямпольским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.